

УДК 336.76+336.276.4(47)"1887/1892"

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ КАПИТАЛОВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕГО ДОЛГА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XIX в.

О. В. Баев

EUROPEAN CAPITAL MARKETS AND THE RUSSIAN EMPIRE'S EXTERNAL DEBT TRANSFORMATION IN THE LATE 1880s – EARLY 1890s

O. V. Baev

В статье анализируется трансформация внешнего долга Российской империи в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Рассматриваются итоги конверсионных операций, влияние на них состояния европейских рынков капитала, взаимодействие внешних займов и внешнеполитической переориентации России с Германии на Францию. Делается вывод о трансформации в данный период времени как основного кредитора России, так и характера самих заимствований из чисто экономического явления в явление политическое и большей инертности экономических процессов по сравнению с процессами политическими.

The paper analyzes European capital markets and the Russian Empire's external debt transformation in the late 1880s – 1890s. Conversion results and European capital markets' condition influencing them, as well as coordination of external loans and Russian foreign policy realignment from Germany to France are examined. The conclusions are as follows: both Russia's main creditor and the character of loans (from economic to political) were transformed at that time, economic processes becoming more inert than political ones.

Ключевые слова: Европа, Россия, внешний долг, конверсия.

Keywords: Europe, Russia, external debt, conversion.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Россия резко активизировала свои финансовые операции на европейских фондовых рынках, ежегодно размещая там внешние займы. В связи с таким усилением внешнеэкономической активности в конце 1880-х годов было образовано Иностранное отделение Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, которое начало готовить материалы для выпусков займов. Там следили за положением международного денежного рынка, финансовой и политической прессы [1, с. 87].

При этом можно говорить и о принципиальном изменении целей внешних заимствований Российской империи. Если до середины 80-х гг. XIX в. внешние займы брались с целью прежде всего восполнить доходную часть государственного бюджета, то новый министр финансов А. И. Вышнеградский «был, по крайней мере, на словах, противником такой системы, когда чрезвычайные расходы покрываются займами» [4, с. 67]. Мотивы такой резкой смены финансового курса были понятны уже его современникам. «Прежде всего Вышнеградский очень заботился о том, чтобы не увеличивалась боле наша заграничная задолженность. Отсюда избегание по мере возможности заграничных займов. Действительно, вопреки практике Бунге, предпочитавшего заграничные займы, Вышнеградский только 3 % заем 1891 г. выпустил на заграничном рынке... остальные займы (4 % 1887 г. и железнодорожные 1890 и 1892 гг.) были выпущены в кредитной валюте и на внутреннем рынке» [15, т. 2, с. 517].

Базой для проведения такой более самостоятельной и финансовой, и внешнеторговой политики стало укрепление экономического положения страны. «Россия может в крайнем случае обойтись собственными средствами без поддержки западноевропейских денежных рынков, и эта твердая уверенность в эконо-

мических силах России несомненно оказала свое действие не только на успешность самой кредитной операции, но и на благополучное окончание таможенной войны с Германией» [15, т. 3, с. 16].

Однако очень скоро обнаружилось, что у такой, на первый взгляд, очень эффективной политики есть пределы реализуемости. Установлены они были вполне объективным фактором – эффективностью сельского хозяйства, остававшегося доминирующей отраслью экономики России. «Попытка обойтись без них [заграничных капиталов] впервые была сделана И. А. Вышнеградским, который всячески избегал заграничных займов. Она окончилась не совсем удачно, но, если и могла хотя до известной степени осуществляться, то единственно благодаря превосходным нашим урожаям конца 1880-х гг., обусловившим огромный вывоз хлебов и с тем вместе необычайно выгодный для нас расчетный баланс: мы тогда накапливали свои капиталы, а потому и могли обойтись без заграничных. С начала 1890-х годов мы перестали накапливать эти капиталы в количестве, достаточном для расчета по нашим заграничным долгам и снова вынуждены были, как и прежде (со времен Крымской войны и до Вышнеградского), обратиться к позаимствованию иностранных капиталов» [15, т. 3, с. 380]. Однако и государственный секретарь А. А. Половцов, и бывший министр финансов А. А. Абаза считали, что обращаясь к внешним займам, И. А. Вышнеградский только продолжил порядок действий своего предшественника Н. Х. Бунге [18, т. 2, с. 223, 270].

Основной же финансовой операцией в министерство Вышнеградского стала конверсия государственных займов России, проведенная Парижско-Нидерландским банком и банкирским домом Ротшильдов. Поиск нового рынка для русских фондов начался еще до 1887 г., когда германские биржи отвернулись от русских бумаг, и не был, таким образом, следствием

антирусской политики Бисмарка. С. К. Лебедев отмечает, что Министерство финансов России всегда стремилось получить заем у Ротшильдов [12, с. 403]. Действительно, конверсии 1888 – 1891 гг. проводили те две группы, которые добивались их еще в 1886 – 1887 гг.: группа Ротшильдов и синдикат Госкье [12, с. 303].

Все 4½ %, 5 %, 5½ % и 6 % внешние займы были конвертированы в 4 % [11, с. 43], в результате чего средний процент государственных долгов в 1889 г. был 4,8 %, а в 1892 г. – уже 4,35 % [24, с. 208]. «Конверсии и заключение займов за последние годы на более выгодных условиях повлияли на уменьшение ежегодных платежей по государственным долгам, также уменьшился средний процент погашения, соответственно чему увеличился и срок окончательного их погашения». Так, средний процент погашения для металлических займов достигал в 1886 г. 0,72 %, а в 1894 г. упал до 0,38 % [10, с. 160].

При этом конверсии подверглись не только собственно государственные займы, но и гарантированные правительством займы железнодорожных обществ. «В числе этих долгов значительное место занимали железнодорожные облигации, в сущности не составлявшие казенных долгов, хотя проценты по ним на самом деле уплачивала казна» [8, с. 20]. «С целью уменьшения бремени платежей были произведены конверсии целого ряда железнодорожных займов, как выпущенных правительством (консолидированные займы первых 5 выпусков и седьмого выпуска, облигации Харьковско-Николаевской железной дороги, 4½ % займа 1849 г.), так и выпущенных и принадлежащих частным обществам (5 % облигации Шуйско-Ивановской, Киево-Харьково-Азовской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Орловско-Грязевской, Фастовской, Курско-Киевской и Варшавской железных дорог). Выкуплено было 10 железнодорожных линий протяжением в 5456 верст с переводом в казну обязательств в сумме до 289 млн руб. и со списанием со счетов старых долгов выкупленных дорог на сумму 353 млн руб. Организованное на выкупленных линиях казенное хозяйство дало сравнительно с прежним частным весьма успешные результаты, что сейчас же отразилось очень выгодно на государственном бюджете» [15, т. 3, с. 453].

В результате уменьшения процентной ставки и обязательного погашения конверсии дали бюджетную экономию до 30 млн руб. ежегодно [23, с. 175]. Еще более целесообразным П. П. Мигулин считал уменьшение заграничных платежей по старым займам на более чем 10 млн руб. зол. ежегодно, правда, ценой увеличения государственного металлического долга на сумму свыше 100 млн руб. зол. [15, т. 2, с. 518] (П. Х. Шванебах приводит цифры увеличения капитальной суммы долга с 796 до 941 млн руб. зол. при понижении годового платежа по внешнему долгу на 7½ млн руб. зол. [28, с. 22]).

Это способствовало развитию не только государственного, но и народного хозяйства. «Если бы правительство продолжало платить более высокий процент, когда есть возможность понизить его, оно поступало бы несправедливо по отношению ко всему населению страны, с которого собираются излишние

средства для оплаты процентами государственного долга» [5, с. 538]. «Пользуясь внешним миром, Россия хотя и несла тяжелое бремя «вооруженного мира», но тем не менее четверть века после русско-турецкой войны она не знала единовременных крупных военных расходов, внешний престиж доставил России прочный и обильный кредит на иностранных рынках капитала, позволив конвертировать ряд государственных займов, что сократило расходы по сильно возросшей задолженности и удешевило привлечение иностранного капитала внутрь страны» [4, с. 470].

Конверсии внешнего долга России имели не только чисто экономические, но и внешнеполитические последствия. «Конверсией было достигнуто заметное сокращение ежегодных платежей процентов и, кроме того, значительная часть наших фондов нашла широкий доступ на новый для нас богатый капиталами французский рынок» [5, с. 543, 544]. «Сближение наше с Францией началось с перемещения русских фондов на Парижскую биржу и приобретения их французами» [9, с. 28]. Российская пресса также позитивно оценивала освобождение «нашего внешнего государственного кредита от гнета берлинских банкиров» и доказывала преимущества деловых операций с французским денежным рынком [13, с. 459].

При этом никого не вводило в заблуждение формальное участие в конверсиях других европейских банкиров. «Хотя в размещении всех этих займов формально участвовали не только французские банкиры, но и германские, голландские и другие, роль нефранцузских капиталов в действительности была крайне незначительной. Фактически займы размещались во Франции; руководство операциями по размещению займов и проведение их прочно удерживались в руках парижского дома Ротшильдов и синдиката французских банкиров» [13, с. 458].

По мнению А. З. Манфреда, финансовые отношения России и Франции сыграли решающую роль и в определении соотношения роли двух стран в союзе. «В момент же возникновения и оформления русско-французского союза финансовые связи и, в частности, первые займы лишь клали начало закабалению царской России, а потому играли еще меньшую роль, чем позже; сближение двух стран определяли, в первую очередь, политические и стратегические расчеты» [13, с. 538].

При этом чисто финансовые отношения перевесили и существовавшие между государствами политические противоречия. «Если до сих пор еще существовало какое-то предубеждение к политическому строю республики, то теперь деньги в известной степени стирали этот предрассудок, они были нужны царской казне и способствовали налаживанию тесного сотрудничества в области финансовых связей» [14, с. 281]. С другой стороны, как писал М. Павлович, «этим золотом богатая Франция покупает благоволение царской династии и смягчает враждебное отношение последней к республиканской форме правления во Франции» [17, с. 14].

Б. В. Ананьич также считал основным результатом конверсионных операций «переход значительной части русских ценностей на французский денежный рынок – переход, совершившийся при самом актив-

ном участии французских банков и встреченный с энтузиазмом французскими держателями. Так был заложен фундамент, на котором вскоре было воздвигнуто и само здание франко-русского союза» [2, с. 185].

Результатом этого стало и расширение количества непосредственных кредиторов российского государства. «Усилиями магнатов финансовой буржуазии идея франко-русского союза была создана и материальная основа в широких слоях французского населения... Сохраняя за собой полный контроль за займовыми операциями и загребая львиную долю барышей, крупные банки – организаторы русских займов – распространяли акции этих займов среди миллионов мелких подписчиков. Так, например, на один лишь русский заем 1891 г. во Франции подписались от одного до полутора миллионов человек. По другим русским займам число мелких держателей акций было также весьма велико... Идея франко-русского союза теперь получила во Франции широкую клиентуру в лице рантье-ских и мелкобуржуазных кругов» [13, с. 468]. Таким образом, в начале 90-х гг. началось постепенное уменьшение нарицательной стоимости отдельных российских процентных бумаг в силу их демократизации – проникновения в среду мелких капиталистов, которое началось с обращением к услугам французского рынка. В результате за пятилетие 1889 – 1893 гг. на каждый миллион погашаемых облигаций приходилось 1647 облигаций, а по новым займам – 3296 облигаций [20, л. 17].

При этом ведущий для России германский рынок капиталов отошёл на второстепенные позиции. В то время как Берлин вел систематическую кампанию против русского рубля, в Париже банковские круги и правительство активно старались установить тесные финансовые связи, широко предоставляя России займы, в которых она сильно нуждалась [14, с. 315]. В результате в 1889 – 1890 гг. при произошедших конверсиях германский денежный рынок в значительной степени освободился от большинства российских фондов [6, с. 384]. Необходимо отметить, что германское правительство не препятствовало подобной внешнеэкономической переориентации России [подробнее см.: 3]. «Уход Бисмарка с политической арены несколько не помешал тому, что против русских финансов в Берлине продолжалась та же кампания с целью дискредитирования их, которая была начата в 1886 – 1887 г.» [22, с. 89]

С другой стороны, в период конверсий значительно возросла роль русских банков, которые занимают полноправное положение в банковских группах, так как вследствие закрытия германского денежного рынка усилилась роль внутреннего рынка, принявшего часть конвертированных металлических займов [12, с. 304].

Потеряли свои позиции не только немецкие, но и голландские и английские банки. «Англия совершенно закрыла для нас свой рынок. Конверсиями Вышнеградского англичане воспользовались, чтобы сбыть все русские бумаги во Францию» [15, т. 3, с. 1077]. В самом начале 90-х гг. «Nore & Co» и «Baring Brothers & Co», бывшие с XVIII в. в особенно близких отношениях с русским правительством, оказались потесненными французскими банками [12, с. 403]. Для

удобства заграничных держателей российских государственных фондов с Французским банком было заключено соглашение о приёме им на хранение предъявительских бумаг русских государственных займов, обеспечивающих владельцев от риска утраты [20, л. 19].

При этом улучшения условий заимствований удалось достичь именно за счёт перемещения русских ценностей на французский финансовый рынок. «Германия перестала играть свою традиционную роль банкира России и её место заняла Франция», причём «русскому Министерству финансов удалось пристроить свои 4 % займы на более выгодных условиях во Франции, нежели прежде 5 % займы в Германии» [13, с. 458]. Конечно, политическое сближение с Францией, которая могла предоставлять значительные финансовые средства в распоряжение России, способствовало росту внешней государственной задолженности России. Но вместе с тем этот поворот оттенял охлаждение политических отношений с Германией [7, с. 77 – 78].

На сегодняшний день вопрос о причинно-следственных связях финансового и внешнеполитического сближения остаётся дискуссионным. А. Финн-Енотаевский считал первичным политический процесс. «Как только франко-русский союз раскрыл для нас кошелек французских буржуа, наше правительство поспешило взять из него все, что было возможно» [25, с. 156].

Г. Хальгартен придерживался противоположной точки зрения: «Оформленные в политический союз франко-русские отношения оказались непосредственным результатом финансово-экономического кризиса начала 90-х гг., который и вызвал финансовые трудности России и толкнул ее в объятия могущественного в финансовом отношении европейского государства» [27, с. 135]. «Общая линия русско-французских отношений в период между «помолвкой» 1891 года и «свадьбой» 1893 года, когда была ратифицирована военная конвенция, отчетливо обнажает растущую обусловленность этих отношений финансово-экономическими факторами. Подобная схема отношений сама по себе не является непременно присущей любому политическому союзу, но для русско-французского союза она весьма характерна. Здоровое в финансовом, промышленном и экономическом отношении государство-рантье приобрело себе таким образом друга, который прежде всего мог служить ему выгодным орудием в военном отношении» [27, с. 134 – 135].

При этом не все даже советские историки считали приоритетными экономические процессы. Так, Ю. Б. Соловьёв отмечал, что серия займов, проведённых царизмом во Франции в 1888 – 1891 гг., стала прелюдией к франко-русскому альянсу, а постоянная нужда самодержавия во всё новых займах – одной из важнейших основ союза [21, с. 3].

Однако А. З. Манфред отмечал и другое: «Не следует забывать, что первые французские займы (кстати сказать, еще весьма скромные по цифрам) были предоставлены лишь в 1888 – 1889 гг., когда вопрос о сближении двух государств, политическом сближении, был в значительной мере предпрешен. Да и сами

эти финансовые операции в ту пору еще играли незначительную роль, они затрагивали сравнительно узкий круг заинтересованных лиц и не оказывали почти никакого влияния на решение политических судеб... главное и решающее значение имели политические или, если угодно, стратегические интересы двух государств» [14, с. 288, 289]. При этом он отмечал и роль внешнеторговых отношений, так как Франция, обеспокоенная русско-германскими торговыми переговорами 1891 г., предложила России вступить с ней в торговые переговоры, а в 1892 г. установила режим наибольшего благоприятствования для русских товаров [14, с. 316].

В то же время французская исследовательница А. Огенюис-Селиверстоф считает перемещение русских займов из Германии во Францию не причиной, а следствием общих перемен во взаимоотношениях России, Германии и Франции, в результате которых русские финансисты использовали благоприятные психологические условия того момента [16, с. 157].

Уже у современников не было единого мнения по поводу как внешнеэкономического содержания, так и последствий конверсий внешнего государственного долга. П. П. Мигулин оценивал деятельность И. А. Вышнеградского в этом аспекте резко негативно: «Конверсия сопровождалась потерей для России на несколько лет богатого германского денежного рынка, а отчасти еще более богатого английского. О компенсации этой потери приобретением французского рынка не стоит говорить, так как это приобретение стояло независимо от конверсии, вследствие главным образом политического сближения России с Францией» [15, т. 2, с. 256].

Также П. П. Мигулин отмечал, что в результате конверсий Россия не приобрела потенциальные инвестиции, а лишь стала должником другого экономического субъекта. «Конверсии имели то вредное последствие, что огромное количество наших бумаг, довольно равномерно дотеле распределенных между разными рынками, перекочевало почти целиком на один рынок французский. Французские капиталисты таким путем ссудили России огромную сумму, но из нее ни одной копейки в Россию не поступило, а всё ушло в Англию и Германию» [15, т. 3, с. 1141].

Ещё одной проблемой П. П. Мигулин считал ограниченность французского денежного рынка для русских займов: «По существу, теряя германский и английский рынки, мы вовсе не извлекли выгод от «приобретения» французского: этот последний рынок был настолько сильно переполнен нашими бумагами благодаря почти одновременному перенесению на него огромной их массы, что не в состоянии был некоторое время принимать новые выпуски русских займов: отсюда полный неуспех 3 % займа 1891 г. Переход русских бумаг начался в момент политического охлаждения между Россией и Германией, едва не приведшего к открытому разрыву, каковой разрыв в весьма значительной степени облегчался для Германии избавлением от русских бумаг, владение которыми в случае войны грозило для немцев огромными потерями. Германское правительство только потому и рекомендовало немецким капиталистам сбывать русские ценности во Францию и замену их другими, хотя

бы и менее надежными и выгодными бумагами, чтобы развязать себе руки на случай открытых враждебных действий против России. По счастью более благоразумные элементы германского народа вскоре сознали всю невыгоду для Германии разрыва с Россией» [15, т. 2, с. 235 – 237]. «Германского рынка мы вследствие этого не потеряли, напротив, получили возможность реализовать там впоследствии многие свои займы, особенно железнодорожные, но английский рынок (и без того нами почти потерянный), раньше бывший для нас главным, сбывши русские фонды, перестал ими интересоваться и совершенно закрыл России свой кредит» [15, т. 3, с. 1141].

При этом С. С. Хрулёв придерживался противоположной точки зрения: «Россия открыла новый рынок для своих бумаг и сохранила старый и тем приобрела возможность пользоваться кредитом в более широкой степени» [26, с. 62].

Пожалуй, прав оказался всё-таки П. П. Мигулин. История выпуска 3 % займа во Франции показала, что её денежный рынок был переполнен русскими бумагами, выпущенными в 1889 – 1890 гг., и на некоторое время закрылся для новых русских займов [15, т. 2, с. 235, 236]. «Ввиду указанного неуспеха 3 % займа 1891 г., выпущенного на французском денежном рынке, приходится с большими оговорками перенесение центра русских кредитных операций из Берлина в Париж и перемещение русских фондов из рук немцев в руки французов вменить в особую заслугу Вышнеградского... расширение рынков для помещения государственных фондов – вещь очень важная, так как это помогает возможности заключить заем на одном денежном рынке, если закрыт другой и, создавая конкуренцию между рынками, дает возможность заключать займы на более выгодных условиях. Но конверсионные займы, заключенные в министерство Вышнеградского на французском денежном рынке, навряд ли можно признать за выгодные для России» [15, т. 2, с. 231].

Следует заметить, что сам И. А. Вышнеградский противился односторонней финансовой ориентации на французский денежный рынок «и если способствовал этому процессу, то лишь в силу необходимости, рассчитывая, что германское правительство вскоре отменит санкции против русских бумаг» [12, с. 302]. «Руководители русских финансов стремились использовать все главные европейские биржи, чтобы сохранить свободу выбора и, пользуясь конкуренцией международных банковских групп, иметь более выгодный кредит» [12, с. 345]. В частности, польские облигации 1844 г. по-прежнему продолжали обращаться преимущественно в Берлине и Амстердаме [19, с. 309].

При этом не стоит абсолютизировать и степень французского доминирования в размещении российских государственных займов. Как справедливо отмечает С. К. Лебедев, «французские банкиры не выступали единым фронтом против «немцев», напротив, интернационализация банковского дела отразила существовавшую связь и взаимодействие денежных рынков. Министерство финансов было особенно заинтересовано в таком взаимодействии, поэтому поддерживало русские банки, и, прежде всего, Петербургский Международный коммерческий банк в международ-

ных банковских синдикатах, без обращения к которым было немислимо размещение новых займов» [12, с. 345].

Таким образом, рубеж 80 – 90-х гг. XIX в. стал важной вехой в развитии внешнего государственного долга Российской империи. Именно в это время произошла трансформация как основного кредитора России, так и характера самих заимствований. Из чисто экономического явления, призванного помочь решить

бюджетные проблемы, внешние займы трансформируются в явление политическое, тесно связанное с местом России в системе международных отношений. Сама же трансформация внешних займовых операций совпала с внешнеполитической попыткой заручиться поддержкой нового союзника Франции без потери близких отношений с Германией. При этом экономические процессы показали большую инертность по сравнению с процессами политическими.

Литература

1. Ананьич, Б. В. Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 431 с.
2. Ананьич, Б. В. Русское самодержавие и внешние займы в 1898 – 1902 гг. / Б. В. Ананьич // Из истории империализма в России: труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. – Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 183 – 218.
3. Баев, О. В. Германия, Франция и начало конверсии государственных займов Российской империи в 1888 г. / О. В. Баев // Ученые записки факультета истории и международных отношений: сборник научных статей памяти Ю. В. Галактионова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2010. – Вып. 3. – С. 168 – 178.
4. Боголепов, М. И. Государственный долг (к теории государственного кредита). Типологический очерк / М. И. Боголепов. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1910. – 569 с.
5. Витте, С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве / С. Ю. Витте. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. – 568 с.
6. Витте, С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. – Т. 2. Кн. 2 / С. Ю. Витте. – М.: Наука, 2003. – 490 с.
7. Гиндин, И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1948. – 453 с.
8. Головин, К. Наша финансовая политика и задачи будущего (1887 – 1898) / К. Головин. – СПб.: Типография Д. В. Чичинадзе, 1899. – 261 с.
9. К вопросу о «русском золотом запасе за границей». – СПб.: Типография штаба отдельного корпуса пограничной стражи, 1914. – 107 с.
10. Кашкаров, М. Главнейшие результаты государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885 – 1894) / М. Кашкаров. – СПб.: Государственная типография, 1895. – 220 с.
11. Корелин, А. П. С. Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века / А. П. Корелин // Отечественная история. – 1999. – № 3.
12. Лебедев, С. К. Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи / С. К. Лебедев. – М.: РОССПЭН, 2003. – 528 с.
13. Манфред, А. З. Внешняя политика Франции 1871 – 1891 годов / А. З. Манфред. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 591 с.
14. Манфред, А. З. Образование русско-французского союза / А. З. Манфред. – М.: Наука, 1975. – 376 с.
15. Мигулин, П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора / П. П. Мигулин. – Т. 1. – Харьков: Печатное дело, 1899. – 606 с.; Т. 2. – Харьков: Печатное дело, 1900. – 578 с.; Т. 3. – Харьков: Печатное дело, 1907. – 1217 с.
16. Огенюис-Селиверстоф, А. Франция – Россия – Германия (1878 – 1918) / А. Огенюис-Селиверстоф // Россия и Франция: XVIII – XX века. – М.: Наука, 2000. – Вып. 3.
17. Павлович, М. Советская Россия и капиталистическая Франция / М. Павлович. – М.: Государственное издательство, 1922. – 64 с.
18. Половцов, А. А. Дневник государственного секретаря / А. А. Половцов. – М.: Центрполиграф, 2005. – Т. 1. – 605 с.; Т. 2. – 639 с.
19. Правилова, Е. А. Имперская политика и финансы: внешние займы царства Польского / Е. А. Правилова // Исторические записки. – М.: Наука, 2001. – Т. 4(122). – С. 271 – 316.
20. Российский государственный исторический архив. – Ф. 643. – Оп. 2. – Д. 1158.
21. Соловьёв, Ю. Б. Финансово-экономические отношения России и Франции в конце XIX в. (русские займы во Франции и французский капитал в России): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Б. Соловьёв. – Л., 1963. – 20 с.
22. Тарле, Е. В. Франко-русский союз / Е. В. Тарле // Россия и её союзники в борьбе за цивилизацию. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1916.
23. Тёрнер, Ф. Г. Воспоминания жизни / Ф. Г. Тёрнер. – СПб.: Электротипография Н. Я. Стойковой, 1910 – 1911. – Т. 1. – 347 с.; Т. 2. – 322 с.
23. Финн-Енотаевский, А. Капитализм в России (1890 – 1917) / А. Финн-Енотаевский. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1925. – Т. 1. – 400 с.

25. Финн-Енотаевский, А. Современное хозяйство России (1890 – 1910 гг.) / А. Финн-Енотевский. – СПб.: Типография Первой СПб. Трудовой Артели, 1911. – 528 с.
26. Хрулев, С. С. Финансы России / С. С. Хрулёв. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – 292 с.
27. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны / Г. Хальгартен. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 695 с.
28. Шванебах, П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство / П. Х. Шванебах. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. – 237 с.

Информация об авторе:

Баев Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, 8-904-375-88-96, baev@history.kemsu.ru.

Oleg V. Baev – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.